

Глава тридцать четвертая. Трудности

Цзин Юньшу, держа над головой раскрытый зонт, подошел к небольшому пруду. Вода в нем текла лениво, увлекая за собой несколько тонких полосок сусального золота. Заинтересовавшись искусной работой мастеров, юноша присел на корточки, собираясь выловить одну из них.

За спиной раздался язвительный голос:

— «Коль голод терпишь да нужду — хватай златые ядра...» Надо же, неужто и среди почтенных ученых мужей сыщутся столь нищие, коим суждено дрожать над чужой безделицей?

Цзин Юньшу, разумеется, услышал насмешку, но сперва дотянулся до золотой чешуйки. Металл обжег пальцы ледяной прохладой. Лишь после этого он поднялся и повернулся к говорившему.

Тот стоял под навесом, защищавшим от дождя. Дорогой парчовый наряд выдавал в нем выходца из весьма состоятельной семьи. Рядом с ним устроились еще двое молодых людей: один вторил приятелю презрительным взглядом, а второй, расположившись у открытого окна соседнего павильона, неторопливо потягивал горячий чай, явно предвкушая забавное зрелище.

Сюэ Цюбай сделал шаг вперед и негромко шепнул Цзин Юньшу на ухо:

— Тот, что заговорил — Шэнь Эрлан, второй сын торговца солью Шэнь Хая. А у окна пристроился Четвёртый господин Ван, четвертый сын великого главнокомандующего Янчжоу Ван Хунмина.

Подобные барчуки водились повсюду, и связываться с ними — лишь попусту терять время. Цзин Юньшу не имел ни малейшего желания ввязываться в глупую перепалку. Слегка поклонившись, он вежливо произнес:

— Прошу простить за беспокойство.

С этими словами он увлек Сюэ Цюбая за собой, намереваясь уйти.

Однако Шэнь Эрлан окликнул их:

— А ну стоять!

Сюэ Цюбай невольно замер, но Цзин Юньшу мягко, почти незаметно подтолкнул его вперед, тихо шепнув:

— Холод собачий. Идем скорее внутрь.

Шэнь Эрлан, верно, отродясь не сталкивался с подобным пренебрежением. Смерив яростным взглядом Цзин Юньшу, Сюэ Цюбая и примкнувшего к ним Бай Цяня, он — то ли забывшись, то ли по привычке мня себя в окружении верных слуг — вне себя от злости рявкнул:

— Схватить его! А ну тащите этого наглеца сюда!

Однако крик повис в сыром воздухе — никто и пальцем не пошевелил. Шэнь Эрлан растерянно огляделся. Единственной прислужгой поблизости оказалась служанка из Сада Су, которая и не подумала подчиниться чужаку. Стоявший же рядом приятель-чиновник дорожил своим положением и ни за что не опустился бы до роли цепного пса, готового бросаться на людей по первому приказу.

Тем временем Цзин Юньшу потихоньку напутствовал своих спутников:

— Друзья, прошу вас, не вмешивайтесь. Не стоит навлекать на себя гнев этого вздорного господина. Мне-то его нападки нипочем, а вам лишние враги ни к чему.

— И речи быть не может, — возразил Сюэ Цюбай. — Ты в наших краях человек новый, как ты один с ним сладишь? Втроем мы сила, при нас он не посмеет зайти слишком далеко.

Бай Цянь согласно кивнул:

— Верно. Я один как перст, терять мне нечего, так что его угроз не боюсь!

— Ваша доброта согревает мне душу, — с улыбкой ответил Цзин Юньшу, — но поверьте, я справлюсь сам. Не тревожьтесь понапрасну. К тому же у меня от этого холода пересохло в горле, пойду выпью чаю.

Тепло распрощавшись с ними, он направился в ту часть павильона, где расположился принц Чу.

Раздосадованный Шэнь Эрлан обошел галерею с другой стороны и ворвался в залу, преградив Цзин Юньшу дорогу:

— Стой, кому говорю! — высокомерно процедил он, смерив юношу взглядом. — Ты еще кто такой? Думаешь, в такое место пускают всякий сброд?

Цзин Юньшу и не думал скрываться, однако нахрапистость Шэнь Эрлана начинала утомлять:

— Что это за место, мне неведомо. Но уж точно не вам, молодой господин, решать, имею ли я право здесь находиться. Если вас что-то не устраивает — соблаговолите высказать свое недовольство лично принцу Чу.

С этими словами он обогнул застывшего от такой дерзости юношу и пошел дальше.

Чжили верно дожидалась у входа. Сам принц Чу к тому времени уже куда-то отлучился. Завидев приближающегося Цзин Юньшу, служанка обеспокоенно спросила:

— Господин? Что-то случилось?

— Там, внутри, объявилось несколько вздорных особ, — вполголоса произнес Цзин Юньшу. — Ступай найди Мао Юна. Как только он придет, можешь идти отдыхать и погреться. Поешь чего-нибудь горячего.

— Но как же вы, господин? Вам ничего не грозит? — заволновалась Чжили.

— Полно тебе, в таком почтенном обществе никто не посмеет затеять драку, — успокоил ее Цзин Юньшу. — Однако среди гостей наверняка найдутся приятели Юнь Вэня. Стоит им прознать мое имя, и они непременно попытаются устроить пакость. Ступай за Мао Юном и ни о чем не беспокойся, я знаю, что делаю.

— Слушаюсь, господин. Я мигом.

Цзин Юньшу вернулся к низкому ложу, где еще недавно вел шахматную баталию с принцем Чу. Жестом подзвав служанку, он попросил заварить свежего чаю, надеясь согреться. Едва он успел сделать несколько глотков, как в зале вновь появился Шэнь Эрлан, на сей раз в сопровождении целой свиты. Заметив это, другие молодые литераторы, прекрасно осведомленные о вздорном нраве купеческого сына, принялись с любопытством стягиваться ближе, предвкушая потеху.

Шумная орава обступила ложе, на котором в полном одиночестве восседал Цзин Юньшу. Воздух в зале ощутимо наэлектризовался.

Сюэ Цюбай и Бай Цянь держались поодаль. Он встревоженно порывался вмешаться, готовый в любой миг броситься на помощь товарищу.

Видя, что тучи сгущаются, Цзин Юньшу едва заметным покачиванием головы удержал друзей на месте.

Бай Цянь ухватил Сюэ Цюбая за рукав и тихо прошептал:

— Погоди. Похоже, брат Юнь полностью контролирует положение. Будем приглядывать со стороны и не станем мешать ему своей горячностью.

— Слыхал я тут от людей... Стало быть, ты и есть тот самый Юньшу? — с издевкой бросил Шэнь Эрлан, возвышаясь над сидящим юношей.

Допив пиалу, Цзин Юньшу неторопливо налил себе еще горячего настоя и лишь затем ответил:

— Он самый. К вашим услугам.

— Юнь Вэнь жаловался, что ты безжалостно оболгал его перед отцом, из-за чего его теперь держат под замком в семейной кумирне. Правда ли это? — напористо спросил Шэнь Эрлан.

Цзин Юньшу остался невозмутим:

— Ошибаетесь. Мой брат проявил вопиющее непочтение к нашему батюшке, за что и понес заслуженную кару. — Юноша лениво провел пальцами по ободку пиалы. — Впрочем, не думал я, что он станет столь охотно выносить сор из избы и делиться семейными дрызгами с посторонними. Премного благодарен вам, молодой господин, за то, что просветили меня на сей счет.

Как гласит народная мудрость, домашний позор не выносят на людские судилища. Цзин Юньшу тонко намекнул на то, что Юнь Вэнь мало того что распускал сплетни за чужими спинами, так еще и малодушно искал заступничества у чужаков, надеясь их руками свести счета. Подобное поведение никак не вязалось с обликом благородного мужа.

Собравшиеся вокруг зеваки тут же перевели насмешливые взгляды на Шэнь Эрлана.

Тот побагровел и злобно выплюнул:

— Терпеть не могу скользких пустозвонов!

Цзин Юньшу не удостоил его немедленным ответом. С безмятежным видом, точно созерцая тихий дождь с террасы, он неторопливо допил свой чай. И лишь когда Шэнь Эрлан уже готов был взорваться от нетерпения, мягко произнес:

— Коли на свете так много, как вы изволили выразиться, пустозвонов, а вы все еще пребываете в добром здравии, смею предположить, что вы попросту не способны отличить праздную болтовню от голоса справедливости, а пустую лесть — от горькой правды. Да и вообще вряд ли разумеете, что есть... — Он выдержал многозначительную паузу и пристально посмотрел в глаза собеседнику.

— Что есть?! — не выдержал тот.

«Что есть скудоумие, глухота к доводам разума и привычка изрыгать нечистоты вместо приличной речи?» — мысленно закончил фразу Цзин Юньшу.

Разумеется, облекать эти мысли вслух не следовало. Чтобы выйти из этой словесной дуэли победителем, ему требовалось сохранить безупречный облик, не дав противнику ни единого повода обвинить себя в непочтительности. Юноша должен был оберегать доброе имя усадьбы Юнь и воздерживаться от открытых нападок на Юнь Вэня, дабы не прослыть в обществе неблагодарным младшим братом, попирающим семейные узы.

Ему надлежало явить себя истинным благородным мужем.

Цзин Юньшу тихо усмехнулся и продолжил:

— Вы изволили упомянуть поговорку о тех, кто терпит нужду и гоняется за золотыми ядрами... Бросая в пруд золотую фольгу ради забавы, вы уподобляете ее тем самым ядрам. Но ведомо ли вам, господин Шэнь, каков был конец того, кто забавлялся подобной стрельбой?

Шэнь Эрлан поймал на себе выжидающие взгляды толпы и растерянно покосился на Четвёртого господина Вана. Вот она — участь невежды, скользнувшего лишь по верхам великих книг: красивую фразу он где-то слышал, а вот откуда она взялась и что в себе таит — вспомнить не мог при всем желании.

Цзин Юньшу поставил опустевшую чарку, неспешно поднялся на ноги и, выудив из широкого рукава выловленную золотую пластинку, принялся небрежно вертеть ее в пальцах:

— Во времена династии Хань при дворе императора У-ди обретался любимчик по имени Хань Янь. Страстью его была стрельба из рогатки, причем снаряды для своей забавы он велел отливать из чистого золота. В Чанъане тогда и родилась поговорка: «Коль голод терпишь да нужду — хватай златые ядра». Стоило Хань Яню выехать на прогулку, как за ним устремлялась толпа уличных мальчишек, собиравших драгоценные крупички везде, куда они падали. Однако фавор не длился вечно. Юноша позабыл о границах дозволенного, стал беззастенчиво разгуливать по покоям императрицы, и слухи о его непотребствах дошли до вдовствующей государыни. Та разгневалась и повелела нечестивцу принять смерть.

Цзин Юньшу сделал несколько неторопливых шагов по зале, заглянув в окно, за которым расстился унылый зимний пейзаж. Голос его, журчащий чисто и легко, точно горный ручей, продолжал течь в тишине:

— Безродный временщик, кичившийся покровительством великого Сына Неба, закончил свои дни столь позорно. Интересно мне знать: на чье же заступничество уповаете вы, второй молодой господин из рода Шэнь? И задумывались ли вы когда-нибудь, какая участь... — Юньшу тонко, едва заметно усмехнулся и посмотрел на побледневшего обидчика острым,

пронзительным взглядом, — ждет впереди вас?

Юноша разжал пальцы, и золотая пластинка с негромким звоном упала на каменный пол.

Никто прежде не осмеливался говорить с купеческим сынком столь дерзко и прямо. Среди застывших в изумлении гостей послышались тихие вздохи — кое-кто из молодых ученых едва сдержался, чтобы не захлопать в ладоши от восторга.

Слова Цзин Юньшу прозвучали мягко, почти небрежно, но Шэнь Эрлану показалось, будто ему в спину вонзились десятки ледяных игл. Под этим ясным, лишенным злобы взглядом его прошиб холодный пот. Озираясь по сторонам, он внезапно осознал, что окружающие смотрят на него с тем же скрытым презрением. В их глазах читалось лишь одно желание — увидеть его падение, чтобы затем с наслаждением растоптать поверженного бахвальщика.

Сгорая от стыда и ярости, Шэнь Эрлан уже замахнулся, готовый броситься на обидчика с кулаками, как вдруг двери павильона распахнулись. Тяжелая бамбуковая завеса с сухим стуком колыхнулась, заставив всех присутствующих обернуться на шум.

Ослепленный гневом, Шэнь Эрлан едва ли обратил на это внимание и все еще порывался ударить Юньшу, но стоявший позади Четвёртый господин Ван вовремя ухватил его за плечо, силой удерживая от безумного шага.

Гость еще не успел показаться из-за резной ширмы, как его зычный голос заполнил пространство:

— Слышал я, здесь нынче собрались лучшие умы города, дабы помериться силами в искусстве слагать стихи! Как же я, ваш покорный слуга Мао, мог упустить случай примкнуть к столь благородному собранию?

Едва договорив, мужчина обогнул преграду и предстал перед собравшимися.

Прибывший гость — высокий статный мужчина в темно-синем шелковом халате с круглым воротом и строгим чиновничьем уборе — весело поглаживал аккуратные усы. Рядом с ним шел почтенный старец в скромном сером одеянии из простого шелка. На его голове красовалась лишь лаконичная повязка, а лицо светилось мягкой, доброжелательной улыбкой.

Увидев толпящихся у ложа людей, Мао Юн опешил:

— Ба! Неужто поэтическое состязание уже в самом разгаре?

Он встретился взглядом с Цзин Юньшу. Тот поспешил подняться и приветствовал вошедшего чинным поклоном:

— Приветствую вас. Я Юньшу из усадьбы семейства Юнь, что в квартале Аньпин.

— Как же, слышан, слышан о третьем молодом господине Юнь, — радушно ответил Мао Юн и, указав на своего спутника, добавил: — Ты долгое время провел вдали от родных мест, так что вряд ли знаком с моим спутником. Позволь представить тебе главу нашей Янчжоуской государственной школы, великого ученого господина Чай Цзианя.

Среди собравшихся не нашлось никого, кто бы не знал этого имени, ведь большинство юных литераторов в зале были воспитанниками Янчжоуской государственной школы.

Цзин Юньшу склонился еще ниже, выказывая глубочайшее почтение:

— Простите невежество скромного ученика, почтенный Глава школы Чай.

Остальные юноши дружно последовали его примеру, согнувшись в угодливых поклонах.

Чай Цзиань внимательно оглядел Цзин Юньшу с ног до головы, задумчиво погладил негустую козлиную бородку и приветливо кивнул притихшим ученикам:

— Мы с господином Мао беседовали в соседних покоях и прослышали, что здесь собрались молодые таланты. Решили заглянуть на огонек. Надеюсь, мы не помешали вашему веселью?

Среди юношей пробежал робкий смешок. Все наперебой принялись заверять наставника, что его визит для них — величайшая честь.

Впрочем, с появлением столь грозного ценителя нравов былая непринужденность мигом улетучилась, уступив место благоговейно-натянутой тишине.

Шэнь Эрлан продолжал пожирать соперника полным ненависти взглядом, однако перечить главе училища не осмелился. Чай Цзиань обладал не только непререкаемым авторитетом, но и весомым государственным чином. От его рекомендательного письма зависела судьба любого соискателя на будущих экзаменах, а потому безупречная репутация ценилась превыше всего. И хотя сам Шэнь Эрлан не слишком стремился обременять себя государственной службой, его почтенные родители спали и видели сына в чиновничьем облачении. Лишиться этой надежды из-за глупой выходки было бы верхом безумия. Так что буяну волей-неволей пришлось присмиреть и напустить на себя вид кроткого ягненка.

А вот умалчивавший доселе Четвёртый господин Ван оказался куда хитрее своего незадачливого приятеля. Поняв, что упускать столь удобный случай нельзя, он поспешил нанести коварный удар:

— Почтенный учитель, мы как раз читали вслух свои скромные творения, однако молодой господин Юнь изволил заметить, что ни один из наших стихов не заслуживает внимания и

уступает его собственному дарованию. Мы застыли в ожидании его шедевра — именно потому здесь и возникло это оживление.

Цзин Юньшу одарил клеветника холодным взглядом, после чего перевел взор на Чай Цзианя. Как и следовало ожидать, наставник недовольно нахмурился — едва ли почтенному ученому могла прийтись по душе столь неприкрытая спесь в столь юном искателе истины:

— Что ж, в таком случае мы с удовольствием послушаем ваше творение, господин Юнь, — сухо обронил старец.

— Полноценное суждение рождается лишь в сравнении, — мягко парировал Цзин Юньшу. — Быть может, господину Вану и господину Шэню стоит первыми явить миру свои стихи, дабы Глава школы Чай мог направить их юную мысль и указать на возможные несовершенства?

Ни Четвёртый господин Ван, ни Шэнь Эрлан никак не ожидали, что этот юнец, обвиненный в гордыне, с такой легкостью примет вызов да еще и обернет его против них самих. Оба растерянно переглянулись, не зная, что ответить.

Чай Цзиань согласно кивнул:

— Разумное предложение. Покажите же, над чем вы трудились.

Остальные присутствующие недовольно воззрились на Четвёртого господина Вана, мысленно проклиная выскочку за то, что тот втянул в это разбирательство всех без разбору.

Четвёртый господин Ван и Шэнь Эрлан лишь беспомощно хмыкали да переминались с ноги на ногу — разумеется, никаких готовых стихов у них не было и в помине.

Лицо Чай Цзианя окончательно помрачнело:

— Ну? — строго прикрикнул он. — В чем заминка?

Цзин Юньшу смиренно поклонился старцу:

— Не считите за дерзость, почтенный учитель, но я вынужден открыться вам. С малых лет я рос слабым и болезненным, отчего родители отдали меня в монастырь под сень буддийских святынь. Пока мои сверстники усердно штудировали древние трактаты, я лишь внимал молитвам. Слагать вирши и писать картины я, увы, не мастак. Как же мог я, не обладая должными познаниями, насмехаться над трудами столь уважаемых господ? Верно, произошло досадное недоразумение, и я прошу вас рассудить нас по справедливости.

Тут в разговор вмешался Мао Юн:

— Могу подтвердить слова юноши, уважаемый Чай. Мне доводилось слышать о судьбе третьего молодого господина Юнь — он действительно почти всю жизнь провел в уединении в монастырских стенах.

Заступничество Мао Юна вмиг прояснило картину для всех присутствующих. Чай Цзиань, будучи человеком проницательным, сразу понял, откуда дует ветер. Смягчив тон, он произнес:

— Что ж, в этом нет греха. Не каждому суждено изливать душу в стихах. Древние мудрецы учили: «Прежде нежели устроить дела в семье, управиться с государством и принести мир в Поднебесную, муж должен взрастить собственную добродетель». Теперь мне ясно, отчего от вас, молодой господин, веет столь редким покоем — благословение обители не проходит даром.

Этими словами наставник не только ласково ободрил Цзин Юньшу, но и тонко указал притихшим клеветникам на их собственное духовное убожество.

«Каков старик! Истинный мастер слова», — с уважением подумал Цзин Юньшу.

<http://bllate.org/book/18296/1784903>